

Остранение как способ познания: проблемы и перспективы

Международный круглый стол «Удивление от текста: остран(н)ение в аспекте когнитивной прагматики»

(МГУ, 29 марта 2021 года)

«Литературность» текста — его отличность от повседневного речеупотребления — ассоциируется не только с наличием сложноорганизованной формы или с работой социальных конвенций. Помимо этого, «литературность» определяется комплексом рецептивных переживаний — взаимодействием читателя с текстом. Контакт с литературным текстом может вызывать зачарованность, восхищение, азарт и любопытство — а также удивление, ошеломленность, шок, переживание сомнения и удовольствие от подтверждения ожиданий (или — иногда — от неподтверждения). Все это так называемые эпистемические эмоции (А. Мортон)¹, или чувственные переживания, на основе которых формируются обоснованные убеждения (формы знания о мире). Таким образом, литературный текст — инструмент для активации особого вида эмоционально-когнитивного познания.

Описанный спектр эпистемических эмоций характерен для литературных текстов и шире — для творческого взаимодействия. Один из зонтичных терминов, прилагательный к описанию этих переживаний, — остранение² (В. Шкловский). Сам термин был введен для описания эффекта, который характеризует взаимодействие читателя с текстом: остранение помогает «пережить деланье вещи», «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание», увеличить «трудность и долготу восприятия», чтобы сделать «восприимательный процесс... самоцельн[ым]»³. Представляется, что остранение как опыт — продление восприятия, знакомство с «вещью» как в первый раз — объемлет собой множество дискретных эпистемических эмоций.

Как литературоведение может концептуализировать остранение сегодня? Какие инсайты дружественных дисциплин (феноменологии, эстетики, когнитивистики, медиологии, литературной и лингвистической прагматики) могут быть интегрированы в теоретизацию остранения? Чем подходы к изучению остранения (лингвистический и литературоведческий, эстетический и эмпирический) различаются и возможно ли их сотрудничество? Этим вопросам был посвящен международный круглый стол «Удивление от текста: остран(н)ение в аспекте когнитивной прагматики», состоявшийся 29 марта 2021 года на филологическом факультете МГУ на базе кафедры общей теории словесности.

Открывая круглый стол, *Татьяна Венедиктова* (МГУ) отметила, что остранение — богатое переживание восхищения, удивления, новизны — сопровождает творческую коммуникацию в искусстве, науке и социальной жизни. Этот феномен — и его литературная разновидность — сегодня могут обсуждаться в рамках

1 См.: *Morton A. Epistemic Emotions // The Oxford Handbook of Philosophy of Emotion / Ed. by P. Goldie. Oxford, 2010. P. 385–399.*

2 Варианты перевода: «estrangement», «defamiliarization», «foregrounding».

3 *Шкловский В.Б. Искусство как прием // О теории прозы. Л., 1929. С. 13.*

когнитивистики, изучения рецепции, феноменологии, прагматики (литературной и лингвистической). Задача круглого стола, отметила Венедиктова, — обсуждая остранение, рефлексировать над точками пересечения и общими зонами этих дисциплинарных полей.

Один из возможных способов пробрасывания мостов между литературоведением и эмпирически ориентированной когнитивистикой предложил *Вилли ван Пир* (Университет Людвиг-Максимилиана, Германия) в докладе «*Развитие литературоведения: остранение и за его пределами*» («*Some Progress in Literary Studies: Ostranenie and Beyond*»). Ван Пир предложил исходить из прагматической предпосылки об устойчивом кризисе гуманитарного образования в американских и европейских университетах. Литературоведческие специальности не предоставляют возможности трудоустройства внутри академии в силу сокращения кафедр и ставок. Низкая предиктивная способность навыков литературоведческого анализа (неспособность предсказывать будущее и частично — описывать наличные тенденции) — залог невостребованности представителей этой профессии на рынке труда и вне академии, отметил ван Пир. Одно из средств преодоления кризиса — оздоровление литературоведения за счет «прививки» точных научных подходов (в частности, когнитивистики). Место интерпретации занимает верификация читательских откликов — этот тезис являлся центральным в концепции ван Пира.

Развивая предложенный тезис, ван Пир отметил, что литературная теория может быть полезна в качестве источника продуктивных гипотез. Так, литературоведческая концепция остранения предполагает, что максимальный эффект остранения (*foregrounding* в версии ван Пира) производится теми частями текста, которые наиболее выделены формально (фонетически, ритмически, синтаксически). Литературная теория также предполагает, что остранение как эффект зависит только от формы текста (меры ее усложненности) и в меньшей степени определяется контекстом.

Чтобы верифицировать гипотезу, ученый разметил поэтический текст и приписал каждой строке степень интенсивности эффекта остранения (она определялась формальной выделенностью строки на фонологическом, грамматическом, семантическом уровнях). После ван Пир провел анкетирование группы читателей, предложив им сделать то же самое. Итогом стала статистика читательских откликов, показавшая, что не все изначальные ожидания относительно «сильных» строк подтвердились. Затем ученый опросил группы читателей из разных стран, также попросив их указать «сильные строки». Выяснилось, что в рамках каждой национальной культуры разные строки воспринимались как особенно острающие.

Ван Пир подчеркнул, что статистическая обработка читательских откликов позволяет уточнить предположения о тексте, формируемые литературной теорией, скорректировать эти предположения и, если нужно, скорректировать и предпосылки самой теории, повышая тем самым ее объяснительный потенциал. По итогу проведенных ван Пиром опросов выяснилось, что эффект остранения не является универсальным когнитивным феноменом — он переживается по-разному в разных культурных и социальных контекстах и не всегда определяется сложным устройством формы. Задача исследователя, подытожил ван Пир, — иметь в виду разность эмпирики рецепции и поверять ею теоретические предсказания. Именно такой ход поможет литературоведческой теории вновь стать востребованной.

Методологический пафос ван Пира разделила *Людмила Чернейко* (МГУ) в докладе «*Острые вопросы вокруг остранения*». По мнению докладчицы, эмпирическое исследование восприятия литературы ставит междисциплинарные вопросы, в решении которых сотрудничают литературоведение, психолингвистика, социоллингвистика. Статистический подсчет частотности откликов в связи с единицами

текста позволяет выделить инварианты читательского переживания. В итоге возникает продуктивный метод литературоведческого (и лингвистического) «контент-анализа». При этом интроспекция относительно потенциальной рецепции, формулирование гипотезы до сбора статистических данных, — первый и необходимый шаг в работе, опережающий эмпирические штудии.

Подобную гипотезу Чернейко предложила в аналитической части доклада. Остранение для исследовательницы — синоним удивления, с которого, по Аристотелю, начинается познание. Возможное читательское переживание в связи с острашением-удивлением двойственно: это и любопытство, интеллектуальный восторг, желание постичь неизвестное — и страх, раздражение от непонимания. Так или иначе, подчеркнула Чернейко, острашение — это состояние сознания, а не только прием. Прием был определен ею как «количественное преобладание языковых средств в тексте» (например, метафора — количественное преобладание определенных языковых структур, наделенных выразительной функцией). Притом что в тексте могут фигурировать острашающие структуры, они не реализуются без активации со стороны читателя. Далее докладчица привела два примера острашения со знаком «плюс» (острашение как интеллектуальный восторг) и со знаком «минус» (острашение как фрустрация). Первый тип острашения моделируется романом Е. Водолазкина «Авиатор», второй — романом А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Функция обоих типов острашения — создавать ситуацию творческого познания, которая невозможна вне чтения литературного текста.

О двойственности острашения рассуждала *Татьяна Венедиктова* в докладе «Доверие неожиданному: форма эстетического опыта?». Как и Чернейко, Венедиктова поставила задачей уточнить понимание острашения — с опорой на концепцию К. Гинзбурга⁴ (чтобы после была возможна дальнейшая работа когнитивистов-эмпириков). Гинзбург выделяет два типа острашения: острашение, наследующее классической традиции, и острашение постклассического толка. Первое — острашение «по Толстому», идущее от Марка Аврелия: острашение как «утверждение истины в противовес авторитетным, но ложным порядкам» (как сформулировала исследовательница). Второе — острашение «по Прусту», докладчица обозначила как «скепсис в отношении рационализма и ставка на непосредственность восприятия». Второй тип острашения, по Венедиктовой, предполагает «доверие неожиданному» (trust in the unexpected, если позаимствовать фразу у Э. Дикинсон): парадокс, поскольку доверие предполагает ожидаемость и предсказуемость. «Доверие неожиданному» — творческое состояние, которое докладчица определила как «поиск сверхценности в условиях неопределенности», в промежутке между отринутыми нормами и традициями и еще не открытым, не освоенным новым знанием.

Подобный тип острашения как способ познания активно используется литературой со времен романтизма: творчество — это способ сообщить читателю переживание неожиданного, чтобы передать сложный социальный опыт. Важно, что передаваемый опыт не всегда поддается вербализации и не кооптируется специализированными дискурсами (научным, газетным, педагогическим).

Переживание неожиданного моделируется и в рамках традиции реалистического романа — во многом за счет специфики реалистического письма. Реалистическая живопись и реалистическое письмо, отметила Венедиктова, отличаются тем, что изображаемая ими «природа» не отдельный от наблюдателя «вид». Так,

4 См.: Гинзбург К. Острашение: Предыстория одного литературного приема / Пер. с итал. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. № 80 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html> (дата обращения: 25.07.2021)).

Камилю Коро было все равно, где располагать важные композиционные точки — он просто садился перед мольбертом и писал, что видел. Реалистическое изображение допускает мгновенное вхождение в среду и расположение в ней в любой точке. Имеется в виду в том числе расположение виртуальное, посредством воображения, внутри картины или текста. Реализм акцентирует слиянность изображаемой природы и художника как телесно воплощенного субъекта (внутри изображаемого пейзажа). Эта слиянность помогает адресату обжить мир произведения свободно и открыться воздействию неожиданного — множества нарочито заметных, острающих, удивляющих структур языка (что было продемонстрировано на примере романов Флобера). Эти структуры выдают присутствие автора, демиурга, отношения с которым могут быть выстроены только в режиме доверия и веры (принятия происходящего без условий и вопрошания со стороны читателя). В этом ключе стиль (проводник эффекта остраения) осознается уже не как совокупность объективных свойств, а как инструмент, который помогает воплотить и разыграть процесс восприятия и познания средствами языка за счет эффекта остраения. Лингвистические и литературоведческие техники анализа ограниченно годны для исследования стиля, понятого таким образом, подытожила Венедиктова, однако когнитивистика нащупывает продуктивные способы описания.

Разговор о связи реализма и остраения-как-познания продолжил *Анатолий Корчинский* (РГГУ) в докладе «Шок и рутина как модусы реалистического письма». Реализм был определен докладчиком как «изображение сознания, воспринимающего реальность». По мнению докладчика, существуют две полярные традиции описания в рамках реалистической литературы: (1) реалистический роман построен вокруг шокового, исключительного события, которое дестабилизирует повседневность (В. Шмид); (2) реалистический роман состоит из серии рутинных, повторяющихся событий (Ф. Моретти). На деле, заметил Корчинский, в реалистическом письме наблюдаемы диалектические отношения между шоком и рутинной: шок рутинизируется, а рутина подается шокирующим образом. Пример рутинизированного шока — физиологические очерки и рассказы о Севастопольской войне Толстого. Пример рутины, поданной шокирующим образом, — избыточные описания предметов в реалистическом романе (о которых Р. Барт рассуждал в связи с «эффектом реальности»). И рутинизация шока, и подача рутины шокирующим образом — пример эффекта остраения как способа познания. Результат — прозрение (чему способствует шок) и интеграция необычного опыта в область известного (чему способствует рутинизация).

Евгения Сулова (ННГУ им. Лобачевского) в докладе «Гиперестезия как остраение и новые режимы (микро)воображения» предложила размышлять об остраении в контексте постромантической поэзии. Для Суловой остраение родственно гиперестезии — сверхчувствительности, сверхвнимательности, которые предполагают сверхдетализированность восприятия. Противоположность остраения — автоматизм восприятия, где «вещь проходит мимо нас как бы запакованной»⁵. Остраение, по мысли докладчицы, — антизапакованность: «когнитивное зуммирование», видение структур «под микроскопом» воображения, бесконечное дробление видимого и осязаемого в тексте, дискретизация переживаний. «Когнитивное зуммирование», продолжила Сулова, создает «модель психического аппарата». Остраение превращает поэтический текст в поле бесконечной изоляции и автономизации фрагментов опыта. В таком качестве текст задает «реконфигурацию когнитивных функций»: выдвигание одних функций на передний план, других — на периферию. В качестве примера были приведены авангардные произ-

5 Шкловский В.Б. Искусство как прием. С. 12.

ведения футуристов и обэриутов. В их острающих текстах слова, буквы, части букв — автономные изолированные знаки, чей распад способствовал пересборке способов чувственности. Затем начинается период синтеза, связывания автономных фрагментов — в поэзии 1960—1970-х годов. В итоге благодаря «зуммированию» остраения возникают новые знаковые системы и новые интерфейсы восприятия.

Когнитивный потенциал остраения может быть рассмотрен и в сфере этики — и этот разворот предложил *Георгий Чернавин* (НИУ ВШЭ) в докладе «*“Странным вам это кажется, будто здесь что-то не так”: удивление как этическое сопротивление*». Остраение как удивление для Чернавина помогает бороться с автоматизмом символической тавтологии. Символическая тавтология — иллюзия равенства между словами, понятиями и вещами, выдерживаемая на всех уровнях. Скажем, примером такой тавтологии может быть средневековая аллегория «мир как собор», описывающая все уровни бытия. Эта иллюзия создает непротиворечивое, авторитетное и иногда ложное знание о мире (в случае авторитарной идеологии). Остраение как проживаемое удивление разрушает символическую тавтологию, уча нас задавать вопросы: как мы воспринимаем опыт, который стал основанием тавтологического силлогизма? не должны ли мы воспринимать его иначе? Этот тезис был проиллюстрирован на примере «Антиформалистического райка» Д. Шостаковича. Остраение-удивление развенчивает символическую тавтологию — и помогает нам не попасть в ловушку конъюнктуры и внушенной догмы, и в этом его применение в сфере этики, подытожил Чернавин свой анализ.

Следующие два докладчика — *Анна Ямпольская* (НИУ ВШЭ) и *Павел Арсеньев* (Университет Женевы, Швейцария) — предложили рассматривать остраение как феномен современности. В докладе «*Повседневность под угрозой: карантин как остраение привычного*» Ямпольская предложила уточнить очевидный тезис, что карантин, введенный в связи с пандемией коронавируса, — опыт остраения. Докладчица обратила внимание на трехкомпонентный состав опыта остраения: затруднение и нарушение привычного; ощутимость дотоле неосознаваемого; обновление восприятия и обогащение проживаемого опыта. Почти всем этим условиям отвечает карантин, за исключением того, что в нем нет продуктивного обновления: после снятия карантина люди возвращаются к допандемийному образу жизни. Карантин как опыт остраения — и как опыт перепознания действительности — следует анализировать не только при помощи понятия остраения, но и при помощи понятия привычки. Привычке Ямпольская рассматривала через призму феноменологии Гуссерля. Как и остраение, привычка трехкомпонентна: в ней есть первоучреждение (формирование «колеи для будущего опыта»); типизация опыта (усваивание воспринятого); антиципация (формирование ожиданий относительного будущего). Привычки не только воспроизводят мир, но и производят мир для нас. Карантин же не создает новые привычки, а ломает привычки старые, подсвечивает структуру формирования привычек и подчеркивает опосредованность нашей социальной жизни инстанциями, формирующими привычки: институтами, предписаниями и т.д. Иными словами, карантин — это метаопыт утраты привычек и осознания укорененности собственной жизни в привычках. При карантине не происходит выработки новых привычек — типизации опыта и антиципации — а значит, не происходит и обновления восприятия. «Карантин не обогащение, а обеднение опыта», — подытожила докладчица. Таким образом, опыт карантина не является примером продуктивного остраения — и не помогает насытить действительность новыми смыслами.

Сходную ревизию остраения в современной действительности предложил Арсеньев в докладе «*Остраение как новая экономика внимания между верностью и тревогой, между проекцией и растворением*». Остраение для исследователя —

эпифеномен «заброшенности в производственные отношения»: производственно-технологической парадигмы когнитивного капитализма XXI века. Для формалистов переживание остранения связано с «поломками» языка, сопротивлением материала, невозможностью инструментализации высказывания — некоторой фрустрацией, недоверием, затруднением восприятия. Остранение вынуждает читателя иначе распределять внимание — и в таком качестве оно интересно современному теоретику. В современном цифровом мире, перенасыщенном информацией, переживание остранения — это способ как можно интенсивнее и как можно дольше удерживать внимание на текстовом объекте. Оно выступает как стимулятор внимания, помогая современному работнику интеллектуального труда постоянно пребывать в состоянии тревоги — и только благодаря этому производить продукт (например, статьи в высокорейтинговых научных журналах).

Итог круглому столу был подведен одним из слушателей — психологом *Олегом Валувым*: «Остранение — это феномен сознания, но при этом сознание может существовать не только внутри субъекта, но и вне него — например, в языковых формах... Пытаясь понять остранение, мы пытаемся — в широком смысле — понять, как сознание сопряжено с творчеством — и с языком». Представляется, что эта реплика поставила убедительную точку в прошедшей дискуссии — в перспективе становясь многоточием и приглашая к дальнейшему диалогу.

Анна Швец